

"Скажи мне, Шон, ты бы хотел трахнуть свою мать?".

"Что?"

С этим доктор Оливия Уокер полностью завладела вниманием своего молодого клиента впервые с тех пор, как он вошел в ее кабинет за полчаса до этого. До этого момента он сидел на ее кожаной кушетке, угрюмо уставившись в потолок, и односложно отвечал на ее вопросы об основных вещах, таких как его школьная работа, режим сна и общее душевное состояние.

Теперь восемнадцатилетний Шон Мартин сидел прямо. Он спустил ноги на пол, чтобы впервые оказаться лицом к лицу со своим новым психотерапевтом.

"Мне очень жаль", - искренне сказала Оливия. Внутренне она была довольна тем, что ей удалось пробить безразличную оболочку Шона. "Я неудачно выразилась. Я хотела спросить, есть ли у тебя сексуальные фантазии о твоей матери".

Шон не сразу ответил. Он уставился на нее так, словно она была его учительницей, и он пытался угадать правильный ответ на вопрос перед всем классом.

"Это то, что сказала мама?" - замялся он. "Что у меня есть фантазии о ней? Как она вообще могла об этом узнать?"

Оливия посмотрела на него поверх красных пластиковых ободков своих очков. "Все, что говорится в этом кабинете, конфиденциально, Шон. Вы взрослый человек; ничего из того, что вы скажете мне на этом сеансе, не будет передано вашей матери. Кроме того, я не могу сказать вам, что конкретно сказала мне ваша мать. Но вы уже знаете, насколько она обеспокоена вашим недавним поведением, не так ли? Не поэтому ли вы согласились на ее просьбу прийти поговорить со мной?".

"Конечно". Шон пренебрежительно махнул рукой и снова погрузился в молчание. Однако он все еще внимательно наблюдал за ней, вместо того чтобы лечь обратно на диван или уставиться на обрамленные пастелью морские пейзажи, которые украшали стены ее кабинета вместе с дипломами и фотографиями ее собственных сыновей студенческого возраста. Это было хорошо.

"Очень хорошо. Это ваша встреча, Шон. Мы можем использовать ее для работы над вашими проблемами, или мы можем посидеть в тишине до конца часа. Это зависит от тебя".

Оливия обратила внимание на черный кожаный блокнот на своих коленях и записала несколько слов, делая вид, что не замечает Шона. На самом деле она не собиралась выпускать этого симпатичного молодого жеребца из своего кабинета без тщательного допроса и осмотра. А она прекрасно знала, как удерживать внимание мужчины.

Наблюдая за ним краем глаза, она медленно разжала и скрестила ноги так, что короткая юбка цвета морской волны задралась на несколько дюймов, не доходя до промежности. Его взгляд проследил изгиб ее упругих бедер до тени между ног. Ее киска увлажнилась при виде толстой выпуклости, растущей под джинсовой тканью его обтягивающих джинсов.

Многообещающе. Очень многообещающе.

Оливия знала, что ни одна психологическая ассоциация не одобрит ее использование сексуальной привлекательности для установления контакта между терапевтом и пациентом. Но ей было все равно. У нее были свои представления о том, как лучше всего помочь своим клиентам, представления, проверенные обширными личными экспериментами.

Она считала, что лучшей терапией для большинства мужественных молодых мужчин, которых она консультировала, была активная половая жизнь. Секс был естественным и целостным путем к пику психического и физического здоровья. Она стремилась развивать своих клиентов-мужчин в позитивном проявлении их мужественности.

Лучшим способом сделать это, по ее мнению, было трахать их. Оливия Уокер была многогранной женщиной: успешным психологом, ласковой матерью и бесовской распутной шлюхой.

Ее небольшая эксклюзивная практика обеспечивала ей постоянный доступ к потенциальным партнерам. Она предпочитала молодых. Большинству парней, которых она видела, было не больше восемнадцати-девятнадцати лет. Подростки были самыми открытыми и легко обучаемыми в сексуальных вопросах, они быстро учились получать удовольствие практически от всего, что доставляло им удовольствие. Они быстрее возбуждались, быстрее восстанавливались и неизменно производили больше восхитительной спермы, которую она так любила, чем мужчины ее возраста.

Клиенты часто приходили в офис Оливии впервые, смущенные и обеспокоенные своими сексуальными желаниями и аппетитами. Она выслушивала их, применяла разговорную терапию, когда считала, что это может помочь, но наибольший успех ей принесло то, что она открыла им свои ноги. Редко кто из молодых клиентов не реагировал на ее лечение. Она отправляла их в путь с новой уверенностью в себе, тщательным сексуальным образованием и спущенными яйцами.

Природа одарила ее инструментами для успеха в ее неортодоксальном подходе к консультированию. Оливия была высокой вороноволосой красавицей с притягательными зелеными глазами и чувственным, полным ртом. Она предпочитала строгие профессиональные костюмы, которые подчеркивали, а не маскировали ее стройную фигуру. Ее можно было бы принять за балерину, если бы не одно но: ее огромная, идеально вылепленная грудь. В свои тридцать восемь лет она все еще тренировалась часами почти каждый день, укрепляя свои мышцы, чтобы она могла грациозно ходить с сиськами, пропорциональными женщине вдвое больше ее.

Оливия с нетерпением ждала утренней встречи с момента первого разговора с матерью Шона в Zoom-чате. Тем не менее, она сохранила маску профессиональной отстраненности и продолжала изображать интерес к своим записям. "Шон Мартин, возраст девятнадцать лет", - читала она в десятый раз. "Студент первого курса университета штата. В настоящее время проживает дома с родителями Терезой и Ральфом Мартин. Добровольно записался на консультацию по просьбе матери".

"На самом деле говорить не о чем", - сказал Шон, привлекая ее внимание. Втайне довольная, Оливия подняла на него глаза, словно удивляясь, что он все еще сидит в ее кабинете.

"Я не знаю, что мама рассказала тебе, но могу поспорить, что это была не вся история. Это ей действительно следовало бы лежать на диване".

"Интересный выбор слов". Оливия задумчиво постукивала ручкой по верхним зубам. Она нежно сомкнула свои блестящие красные губы вокруг стержня и осторожно, почти незаметно, пососала его. "Вы думаете, что вашей матери следует обратиться к психотерапевту, потому что...?" Она провела языком по кончику ручки. Глаза Шона расширились. Его член заметно подрагивал в джинсах.

"Потому что это она в последнее время так заиклена на сексе!" - пробурчал он. "Извини", - добавил он, смутившись своего грубого выражения.

"Здесь можно говорить 'блядь', - успокоила она его, произнося это слово с особым ударением. "Важно, чтобы вы чувствовали себя свободно и могли высказать свое мнение. В этом кабинете нет запретных слов. Как и запретных желаний. Я не священник-исповедник. Я здесь, чтобы помочь".

Он медленно выдохнул. "Понимаете, у мамы с папой много проблем. Он редко бывает дома. А когда он приходит домой, то часто бывает пьян. По-настоящему пьян. Он... я не уверена, как это сказать?".

"Ваш отец как-то жестоко обращается с вами или вашей матерью?"

"Нет! Но он просто, э-э, игнорирует ее".

"Ваш отец пренебрегает вашей матерью".

"Они... он спит в берлоге большую часть ночи. Я почти уверена, что они не... не занимаются этим. Совсем". Теперь слова вылетали в спешке. "Маме нет и сорока. Она милая, красивая... красивая! И она несчастна. Я знаю, что она хочет..."

"Твоя мама хочет трахаться". Оливия закончила мысль за него. "Конечно, хочет. Иногда трудно принять, что родители - полноценные человеческие существа, со всеми побуждениями,

которые есть у тебя и у меня. Трахаться - это здорово. Я люблю трахаться, Шон. А ты?"

У Шона открылся рот. "Конечно, люблю. То есть... я бы хотел".

"Ты девственник?"

"Технически, да". Он покраснел. В чреслах Оливии расцвело тепло. Это будет даже лучше, чем она надеялась.

"Это не необычно в твоём возрасте, и нет ничего постыдного", - успокоила она его. "Тебе, наверное, кажется, что все твои друзья и все, кого ты знаешь, трахаются, но в вашей группе очень много хвастливых преувеличений по поводу секса".

"Я это знаю", - согласился Шон, не желая показаться наивным. "В любом случае, в последнее время мама стала одеваться намного сексуальнее. Например, обтягивающие шорты и облегающие рубашки, которые демонстрируют её тело. Она вся в папу, когда он входит в дверь, а после ужина иногда переодевается, чтобы лечь спать пораньше. Но это не те вещи, которые она обычно надевала в постель. Это все короткие пеньюары. Много прозрачных вещей! И это заставляет меня чувствовать себя, ну, не знаю, странно".

Оливия сочувственно кивнула. "Это заставляет тебя чувствовать себя невидимой".

"Невидимой?"

"Да, в своём отчаянном стремлении привлечь внимание твоего отца, она не уважает твоё присутствие. Она забывает о том, что ты мужчина, а также её сын, и что её проявления влияют на тебя так же, как и на любого другого мужчину".

Шон колебался. Казалось, он спорил сам с собой о том, как много можно рассказать. "Она не забывает обо мне. Уже нет. Её секс по всему дому не подействовал на отца, но меня это точно завело. У меня встает, когда я смотрю на неё. У любого парня! В первый раз, когда она заметила, её глаза стали очень большими, она выглядела шокированной, и я боялся, что она накричит на меня. Но вместо этого она просто замолчала и как-то странно мне улыбнулась. Она никогда не смотрела на меня так раньше. Это сделало меня ещё более возбуждённым".

"Понятно." Оливия расстегнула верхнюю пуговицу блузки и расправила воротник. В кабинете вдруг стало уютно тепло. "А ваша мать проявляла по отношению к вам более открытое поведение?"

"Открытое? Например?"

"Она флиртует? Она проявляет физическую привязанность таким образом, что..."

"Да", - перебил Шон. "Она обнимает меня гораздо чаще, чем раньше. И она как бы... трется об меня".

"Что ты чувствуешь при этом?"

Шон молчал. Он опустил глаза на парчовый ковер. Оливия была слишком хорошо обученным наблюдателем, чтобы не заметить едва сдерживаемую ухмылку, которая на мгновение скривила уголки его рта.

"Понятно", - пробормотала она, делая пометку в своей книге. "То, что вы описываете, похоже на взаимное сексуальное влечение. Она с тревогой проецирует свои собственные похотливые чувства на тебя, как ты и предполагаешь".

"Мама меня возбуждает?" Шон не смог сдержать нотку надежды в своем голосе.

"На подсознательном уровне, возможно. И ты реагируешь на ее, ах, брачные проявления, как любой здоровый гетеросексуальный мужчина".

"Ого. Так что же мне... делать?" Оливия улыбнулась попытке Шона выглядеть скорее обеспокоенным, чем заинтригованным.

"Во-первых, и это самое главное, позвольте мне успокоить вас. По моему опыту, такие влечения между матерями и взрослыми сыновьями не являются чем-то необычным. И уж точно нет ничего такого, чего бы вы стыдились. В целом, они здоровы и часто могут быть направлены в позитивное русло".

"Серьезно?"

"Серьезно. Я знаю, о чем говорю. Я защитила диссертацию по теме "генетическое сексуальное влечение". Ты знаешь, что это такое?"

"Не-а."

"Мой тезис заключался в том, что семейные сексуальные влечения гораздо более распространены среди взрослых родственников, чем принято считать. Мои исследования со временем подтвердили это. В твоем случае... ну, я легко могу представить, как твоя мать фантазирует о том, как трахает тебя, так же как и ты о ней. Только посмотрите на себя - такого сильного и красивого, с этими кудрями, подбородком, широкими плечами и задумчивым взглядом..."

Шон нервно рассмеялся. "Вы странный психиатр".

"Я очень практичный "психиатр", как вы выразились", - она подошла, села рядом с Шоном на диван и положила свою руку на его руку. "Я считаю, что терапевтическая ценность заключается в прямом разговоре и действии. В основном я работаю с такими молодыми людьми, как вы. Мои клиенты приходят ко мне в основном по частным рекомендациям".

"Верно. Мама сказала, что тетя Софи рекомендовала вас. Она сказала, что вы сотворили чудеса с моим кузеном Рори".

"Да, я хорошо помню Рори и Софию". Вкусная мелкая дрожь пробежала по Оливии, когда она вспомнила свои семейные сеансы с матерью и сыном. "Как они?"

"Хорошо, я думаю. Софи сказала маме, что с тех пор, как она развелась с дядей Джоном, Рори стал помогать ей. Говорит, что он - ее опора".

"Я в этом не сомневаюсь". Оливии не нужно было представлять, насколько Рори может быть твердой опорой для своей молодой матери. Она лично проводила пару мать-сын через стадии расцвета их бурно развивающихся сексуальных отношений.

Ее опыт общения с Рори и Софией был одной из причин, по которой Оливия не удивилась заявлениям Шона о его собственной матери. Несомненно, в этой семье была сильная предрасположенность к кровосмесительной похоти. И во время видеоразговора с Терезой Мартин голос и язык тела привлекательной блондинки передавали не столько беспокойство по поводу поведения Шона, сколько возбуждение. Ее учащенное дыхание, покрасневшие щеки и даже дрожание рук у горла и груди, когда она описывала тайные ласки и поцелуи Шона за спиной его отца, говорили о том, что настоящая проблема здесь заключается в подавленности Терезы.

Оливия знала, как преодолеть подавленность.

"Позволь мне спросить тебя кое о чем, Шон. Ты когда-нибудь фантазировал о своей тете Софии? Так же, как о своей матери?"

"Да", - ответил он нерешительно.

"Опять же, совершенно естественно. Это показывает, что ты не заиклен исключительно на своей матери до проблемной степени. Я хорошо знаю Софию. Возможно, как и твоя мать, она даже мечтала о том, чтобы ты был голым в ее постели и между ее ног по ночам". Оливия наклонилась к уху Шона и прошептала: "Ты когда-нибудь представлял себя с ними обоими вместе?"

Это был решающий момент. Если бы Шон отверг ее физическую близость или как-то иначе отреагировал на нее - ну, по крайней мере, ей пришлось бы часами сосать члены множества стариков в лицензионной комиссии штата, чтобы спасти свои дипломы.

Но ее инстинкты в отношении секса редко ошибались. Шон усмехнулся, кивнул и наклонился к ней.

"Конечно, этого не может быть", - сказала она, резко вставая и отходя от него. Его лицо опустилось. "Конечно, вы видите проблемы. Взрывную сложность семейной динамики в таком случае?" Оливия расхаживала по комнате, жестикулируя, как будто выступала на семинаре.

"Конечно, я вижу!" Шон быстро согласился, пытаясь скрыть свое разочарование. "Я не глупый ребенок, вы знаете".

"Хорошо. Я уверен, что смогу работать и с тобой, и с твоей матерью, чтобы найти взаимовыгодное решение вашего затруднительного положения. Я надеюсь, что вы найдете глубокое удовлетворение. А пока..."

Она остановилась и присела перед Шоном так, что их лица оказались на одном уровне. "А пока мы остаемся с дилеммой твоей совершенно нормальной сексуальной неудовлетворенности в этой ситуации. Я полагаю, что вы снимаете его, насколько это возможно, мастурбацией?"

"Ага".

"Вы говорите, что технически вы девственница. Что это значит?"

"Я вожусь с одной девушкой в церковном хоре, но это довольно сложно по определенным причинам".

"Думаю, я понимаю". Оливия опустила взгляд на промежность Шона, где растущая выпуклость его члена, казалось, вот-вот разорвет молнию. "Мне кажется, что ты не получаешь почти такой сексуальной разрядки, которая необходима молодому человеку для оптимального здоровья. К счастью, я могу помочь в этом вопросе.

"Не могли бы вы расстегнуть для меня свои брюки? Я бы хотела взглянуть на твой пенис".

Она чуть не рассмеялась вслух над ошеломленным выражением лица Шона. "Что ты хочешь?"

"Я хочу увидеть твой член". Она сложила руки на его коленях и посмотрела на него полужакрытыми глазами. "Ну же, большой парень. Покажи мне, что я буду сосать".

Широкая ухмылка расплылась по лицу Шона, когда он понял. "Как скажете, док".

Он расстегнул ремень, расстегнул молнию на джинсах и встал так, чтобы они упали на лодыжки. Когда он предстал перед Оливией в одних трусах и майке, она с радостью поняла, что он все еще не полностью эрегирован. Впечатляющая выпуклость, которой она любовалась,

была не более чем полутвердой эрекцией. Но теперь его член продолжал расти: ствол набухал, а похожая на гриб головка поднималась вверх и упиралась в резинку шорт.

Член Шона был даже больше, чем у его кузена Рори.

Все тело Оливии гудело от возбуждения, когда она расстегивала пуговицы и снимала серый пиджак, бросая его на стул. Все еще приседая, она подняла руку и провела указательным пальцем по нижней стороне члена Шона. На трусах возле кончика члена появилось мокрое пятно, так как сперма пропитала тонкий черный хлопок.

"Это облегчит упражнение, если ты будешь голым". Она стянула его трусы на бедрах и спустила вниз по ногам. Когда он вышел из них, она просунулась вперед между его ног, обхватила рукой каждое из его больших мускулистых бедер и посмотрела почти прямо вверх на огромные яички, болтающиеся между ними. Его мошонка была уже полной и налитой.

"Ты хорошо оснащенный молодой человек, не так ли?" изумилась Оливия. Член, торчащий над ее головой, был твердым, как мраморная колонна, пульсировал жизнью и жаром. Он пульсировал в ритме с его сердцебиением, заметно ускоряясь, когда ее теплое дыхание щекотало его плоть.

Трусики стринги задрались между губок ее пизды, и ее сок вытекал по скучному, хлипкому нейлону. Она задрала юбку и стянула трусики до середины бедра, вздохнув с облегчением. Нижнее белье было такой неприятностью. Будь у нее выбор, она бы вообще его не носила.

Она провела правой рукой по левой ноге Шона, массируя и разминая напряженные мышцы, продвигаясь к его промежности. В то же время она протянула указательный палец, чтобы слегка коснуться его члена сразу за торчащим шлемом, нежно царапая ногтем вверх и вниз по толстому, покрытому венами стволу.

"Господи!" простонал Шон. "Черт возьми, док, это великолепное ощущение!".

"Если хочешь, можешь называть меня "Оливия", - предложила она. "Я бы предпочла, чтобы ты считал меня другом, а не профессиональным авторитетом, пока мы будем обсуждать твои более деликатные проблемы". Она откинула голову назад и поцеловала основание его члена там, где он сливался с мешочком.

Шон громко застонал. Переведя дыхание, он сказал: "Хорошо, доктор Оливия".

Она улыбнулась. "Вы говорите, что часто мастурбируете?"

"Пять или шесть раз в день, по крайней мере". Ответ Шона был фактическим, ничуть не хвастливым.

Сердце Оливии подпрыгнуло. Из всех сил стараясь сохранить самообладание, она спросила: "Вы бы сказали, что при мастурбации у вас выделяется большое количество спермы?"

"Это важно?"

"Мне было бы полезно знать, чего ожидать, да".

"Хорошо. Я всегда много кончаю. Такое ощущение, что по утрам у меня ведра этой дряни. Не думаю, что это может быть так много, но это точно создает беспорядок. Я начал стирать сам, потому что стеснялся, что мама заметит".

"О, гиперспермия - это, гм, реальное явление", - заверила его Оливия, тяжело сглатывая. Она из всех сил пыталась подавить свое волнение. Шон был ее первой встречей сегодня утром, а это означало, что прошло уже несколько часов с момента ее последнего сливочного ротика, наполненного мощной подростковой спермой. "Это редкость, но я видел несколько случаев. На самом деле, у вашего... я хочу сказать, у другого из моих недавних клиентов было такое же состояние".

Она уже собиралась сказать "Рори", но остановилась, чтобы не нарушить конфиденциальность. У нее пересохло во рту, когда она вспомнила полные животы спермы, которую она разделила с Софией в этом кабинете, когда они накачивали и высасывали ее сына на сеансе за сеансом.

"Так это нормально?" спросил Шон.

"Хм?"

"Боже, док, у меня никогда не было такого, чтобы девушка кончала на меня, пока мы возились".

"О! Это не так... то есть, я пытался вспомнить что-то важное из моей работы". Член Шона подпрыгнул, когда она погладила его от кончика до корня. "Но, отвечая на ваш вопрос, вы не должны беспокоиться о необычном количестве спермы. Многие женщины испытывают сильное возбуждение от того, что мужчина извергает большое количество спермы в их влагалище, рот или даже на лицо".

"Я видел это в порно", - ярко сказал Шон. "Доктор Оливия, вам нравится..."

Оливия одарила его смущенной улыбкой, захлопала веками и игриво высунула острый язычок, чтобы облизать свои сжатые губы. Это заставило его так резко дернуться бедрами к ее руке, что его член на мгновение выскользнул из ее рук.

Ей понадобились обе руки, чтобы удержать его член, так как ее пальцы доставали не более чем до половины ствола. Это был один из самых больших из бесчисленных членов, которыми она

наслаждалась. Теперь, когда у него был полный стояк, она догадалась, что он был больше, чем рукоятка бейсбольной биты. Ее пальцы дрожали, когда она ласкала его длину; шелковистая гладкая плоть, облегающая стальной ствол, была лихорадочно горячей. Дойдя до основания его члена, она нежно сжала его, задержала на мгновение, затем медленно провела руками по головке. Это была красота.

<http://erolate.com/book/2558/62248>